

МОСКОВСКОЕ лето тысяча девятьсот пятидесятого. Мои родители собираются на Дальний Восток. Надолго. А я остаюсь. Остаюсь потому, что выпускники нашей 114-й школы на Садовом кольце с неизменным успехом поступают в институты, несмотря на фантастический конкурс: 10—15 человек на место. Мне тоже хочется на Дальний Восток, тем более, что я пока не выпускник, а едва успел перейти в восьмой класс. Но я остаюсь.

В освобождающуюся комнату нашей квартиры на Патриарших прудах по рекомендации приятеля отца должны вселиться временные жильцы. Пожилая женщина — кандидат биологических наук и ее сын — музыкант.

И вот он уже корректно и в то же время по-эстрадному сценично раскланивается в дверях:

— Шайнский, Владимир Яковлевич, — представляется он, приглашая тогда еще густые и блестящие темно-каштановые волосы.

А вслед за ним в комнату «въезжает» старенькое бежевое пианино работы неизвестного мастера и два внушающие уважение своей потертостью футляра с хрупкими скрипками. О скрипках говорю не случайно: Владимир Шайнский только что окончил Московскую консерваторию по классу скрипки и выступал опять же первой скрипкой в джазе Утесова, официально называвшемся тогда Большим эстрадным оркестром.

Несмотря на разницу в возрасте, наши отношения сразу сложились дружески и на равных. Может быть, потому, что в душе всякий творческий человек на всю жизнь остается ребенком, а может, потому, что дети, пережившие в свои сознательные годы войну, слишком быстро сделались взрослыми.

Пожалуй, самое полезное, что для меня открыл новый сосед, это то, как творческому человеку приходится много работать, и какая нужна дисциплина для того, чтобы не поддаться минутной лени, которая неизбежно выливается в недели иссушающего безделья.

Старое бежевое пианино звучало с утра до поздней, иногда едва слышно ночью. А чуть свет начинались телефонные звонки.

До сих пор помню номер нашего телефона, написанный классическим ямбом: «Дэ три ноль восемь двадцать девять, когда не в шутку занемог»... — пошутил как-то один из многочисленных поэтов на другом конце провода. Именно тогда, благодаря новому жильцу, я впервые познакомился с профессиональными литераторами.

Частыми гостями нашей квартиры в тот год стали Николай Старшинов, еще совсем молодой, но уже завоевавший известность Доризо, по-мальчишески розовощекий Леонид Жуховицкий, будущий автор «Возраста расплат», и многие другие, судьбы которых сложились по-разному. На внимательный взгляд, за внешней бравадой и веселостью, отличавшей моих новых знакомых, и молодым литераторам, и начинающему композитору жилось трудно.

Во имя свободного времени для тогда еще ни разу не оплаченной сочинительской работы Шайнский ушел от Утесова и теперь по вечерам играл в фойе кинотеатра «Москва» на площади Маяковского.

Его мать, Антонина Михайловна — микробиолог-генетик, искала работу. Отечественная биология переживала трудный период, и НИИ, в котором Антонина Михайловна работала, оказался закрытым. Она не унывала. Меня вообще постоянно поражало ее стойкое жизнелюбие, переданное и характеру сына.

Владимир Шайнский работал в те годы много и неровно. Он десятками создавал блестящие джазовые композиции и просто песни, литературный уровень которых часто оставлял желать лучшего. Это было тем более обидно, что читал он много и литературы хорошей. Но тогдашняя эстрадная песня еще не познала облагораживающего влияния современных бардов, а вместе с ним влияния поэзии, эмоционально отражающей не мнимую, а действительную жизнь.

Можно представить мое удивление, когда незадолго до демобилизации, в 1958 году дневальный по эскадрилье вручил мне небольшой конверт с фирменным знаком журнала «Юность». В нем оказались гранки двух моих стихотворений и машинописный текст, просивший моего согласия на публикацию в двенадцатом номере журнала.

Оказывается, Владимир Яковлевич увидел эти стихи у кого-то из наших общих знакомых и отнес их в редакцию. Так, благодаря Шайнскому, я впервые напечатался и сразу — в «Юности»...

стал Владимир Трошин. А потом «Каурые и белые, соловые и рыжие, проходит кавалерия, вы слышите» звучали по радио и с телеэкранов почти десять лет. Песня имела настоящий успех. Она выходила на звуковых страницах журнала «Кругозор» и на отдельных грампластинках. Стихотворный текст песни публиковался на страницах многочисленных сборников и в антологии комсомольской поэзии, вышедшей к 50-летию СССР в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Разные исполнители запели песню по всей стране и за ее пределами, в странах народной демократии.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всем нам памятные дни, когда столица республики отмечала свое 200-летие. Среди многочисленных гостей, прибывших на торжества, был и заслуженный деятель искусств РСФСР композитор В. Я. Шайнский. Оказалось, что редактор Коми книжного издательства А. Алшутков не только давний знакомый Владимира Яковлевича, но и соавтор ряда его песен. О сотрудничестве с композитором А. Алшутков и рассказывает сегодня читателям «Красного знамени».

Вечером, когда не надо было идти в кинотеатр (музыканты играли в фойе не каждый день), мы вдвоем отправлялись на каток. Владимир Яковлевич и сегодня отличный спортсмен. Он прекрасно водит автомобиль, увлекается подводной охотой. А тогда все это ему заменял каток, застывший прямо под нашими окнами.

Шайнский кружил по нему до изнеможения под звуки песен, с мелодиями которых он только что спорил за своим инструментом. И, когда перед закрытием катка из репродуктора неизменно раздавалось: «Что сказать вам, москвичи, на прощанье», он нередко, с сожалением расшнуровывая коньки, повторял: «Нет, в любых случаях — джаз!».

Вскоре мы расстались на несколько долгих лет (мои родители согласились, наконец, взять меня на Сахалин).

В это время к Владимиру Шайнскому пришел первый серьезный успех. Его «Песня мира и дружбы», написанная в соавторстве с композитором Иорданским (стихотворный текст предложил для нее Андрей Досталь) была опубликована на развороте журнала «Огонек». Несколько песен прозвучало по Всесоюзному радио. Я позвонил в новую квартиру Шайнских и поздравил Антонию Михайловну и Володю со счастливым дебютом...

Стихи я начал писать в пятом классе, но никогда не показывал их профессионалам. Как-то, правда, прочел одно Андрею Досталью на дне рождения у Шайнского. Досталь не поверил, что это я написал. Конечно, я обиделся и стихов больше никому не показывал. Но в армии, когда я стал писать каждый день и много, нет да и посылал некоторые стихи вместе с письмами домой или своим друзьям.

Осенью 1966 года один не очень близкий знакомый свел меня с начинающим тогда композитором Борисом Киселевым, который предложил написать мне слова на готовую музыку. До этого я никогда не писал песен, а тем более не пытался подтекстовывать, вгоняя себя в заданный размер мелодии. Предприятие казалось мне безнадежным.

— Лично я чувствую в этой теме что-то кавалерийское, — обронил на прощанье Борис Киселев, проиграв мне нотную строчку.

Я промучился в рамках заданного размера всю ночь, а под утро плюнул на эти рамки и за час написал сто шестнадцать стихотворных строк, перечитал и вывел над ними: «Баллада о кавалерии». В половине десятого я позвонил Киселеву и прочел ему то, что получилось.

— Старик! Но ведь это же совсем не песня, — разочарованно и добродушно пробасил он, — попробуй придумать что-нибудь еще и звони...

Пробовать я не стал, а набрал вспыхнувший в памяти номер:

— Володя, кажется, я написал песню, — выпалил я с чувством внутренней неловкости, услышав в трубке знакомый тембр голоса, — только очень уж большую...

— Поздравляю! — поддержал меня голос, будто мы расстались вчера. — Подожди, сейчас возьму карандаш. До этого мне никогда не случалось диктовать по телефону только что написанные стихи. Я четко, но без всякого выражения проговорил в трубку все 116 строк.

Музыка была готова через неделю. Шайнский остановился на третьем варианте... Премьера песни «Проходит кавалерия» состоялась 23 февраля 1967 года, в воскресной программе «С добрым утром». Первым исполнителем песни

После «Кавалерии» вместе с Владимиром Шайнским мной написано больше двадцати песен. Популярность их была неравнозначной, но каждая встречалась большим и сложным песенным миром Москвы с неизменным вниманием.

Шайнский работал в то время очень много. Часто писал музыку на ходу, как поэт пишет стихи. В такси, когда мы вместе ехали в аэропорт встречать исполнительницу нашей очередной совместной работы, в коридорах Радиодома на Пятницкой, присев к незапертому роялю. Некоторых знакомых это раздражало. Но я понимал, что композитор находится на быстродвижущемся гребне волны успеха и признания, которых добивался так долго.

Пиком этой популярности стала для него песня «Лада», написанная вместе с поэтом Михаилом Пляцковским. Тираж грамзаписей этого шлягера за год перешагнул десять миллионов. Ладами в течение одного года родители называли чуть ли не одну десятую часть новорожденных девочек. Появилось туалетное мыло «Лада», а потом и новая модель автомобиля «Жигули».

Я тоже писал песни с друзьями композиторами, но первому показывал новый песенный текст всегда Шайнскому.

Со времени нашего знакомства прошло 30 лет. К торжеству, посвященному 200-летию города, мой друг прилетал в Сыктывкар. Его не надо было представлять тысячам зрителей, заполнившим стадион: мелодии Шайнского одинаково любимы и взрослыми, и детьми. Первые такты песенки «Крокодила Гены» заглушаются аплодисментами — стадион приветствует композитора.

Фото Ю. Осетрова.